

— Следи за ним. — Зрачки Ло Ина сузились, и, отдав распоряжение, он кратко объяснил Цюй Ляню и Фан Сяовань:

— Нин Гуанъи что-то затевает, я пойду за ним.

Сказав это, он легко взмыл в воздух, но увидел, что Цюй Лянь последовал за ним, используя технику «Поступь по луне и возвращение на ветру».

— ... Зачем ты? Ты неопытен, тебя заметят.

Цюй Лянь удивлённо оглядел его сверху вниз:

— Я мастер скрытного перемещения, ты снова недооцениваешь меня.

Ло Ин хотел возразить, но вспомнил, как в прошлый раз в Беседке Застывших Вод тот ловко ускользнул, и его лёгкость в движениях действительно была впечатляющей. К тому же скрытность — это искусство тишины, и не обязательно обладать мощной духовной силой, чтобы овладеть им.

Пока они говорили, Цюй Лянь уже устремился вперёд, его чёрная одежда сливалась с ночью, словно бесшумная чёрная ласточка. Ло Ин крикнул ему:

— Не беги куда попало, сюда!

Нин Гуанъи вёл себя открыто, не скрываясь ни капли. Выйдя за ворота, он не ушёл далеко. В четырёх ли от Усадьбы Нефритового Отражения находился небольшой пруд, в воде которого плавали красные кувшинки. Рядом с прудом стоял одинокий павильон, а за деревьями виднелись носилки.

Ло Ин притаился на дереве, не издав ни звука. К своему удивлению, Цюй Лянь, словно лист, скользнул мимо него. Он протянул руку, чтобы схватить его, но не успел — тот уже лёгким движением устроился на крыше павильона, словно тонкая черепица, бесшумно прилегая к поверхности.

Он поразился, думая, что, возможно, раньше недооценивал этого дурачка.

У каждого своё мастерство. Если он не хочет заниматься мечом, то пусть будет специалистом в чём-то другом, например, в притворстве мёртвым.

Нин Гуанъи вошёл в павильон, совершенно не замечая двух наблюдателей, и с раздражением в голосе произнёс:

— Где он? Что за тайны?

Занавески носилок раздвинулись, и появилось бледное лицо Чжу Вэньнин, чуть не испугавшее Нин Гуанъи.

Её выражение было настолько мрачным, что, выходя, она походила на злобного духа, вырвавшегося из ада.

Ло Ин на дереве прижал своё крупное тело к стволу, чтобы не отбрасывать тени, и одновременно тайно передал сообщение Лу Ли и Цзян Ланю, чтобы те не приходили. Он был здесь, и слишком много людей могло спугнуть добычу.

— Ты... — Нин Гуанъи начал с улыбки, без тени доброты:

— Что за шутки? Ты знаешь, что прошлой ночью мой старший брат умер, и сейчас в усадьбе царит хаос. Тигр, упавший на равнину, теперь скачет вокруг с Пэем и Ло... В такое время ты зовёшь меня сюда?

Даже если клан Чжу был влиятельным родом в Инчжоу, и даже если перед ним стояла его детская подруга и невеста, его тон был неизменно высокомерным и язвительным.

Ветер, проносящийся через ветви деревьев, был холодным, и листья, ударяясь о лицо, вызывали зуд в носу Ло Ина. Он терпел, едва сдерживаясь, и слёзы наворачивались на глаза.

Он молча упрекал себя: «Неужели я обычно разговариваю с Цюй Лянем так же?»

Нин Гуанъи в павильоне высказал все свои претензии и наконец вздохнул:

— Зачем ты позвала меня сюда?

Чжу Вэньнин, до этого молчавшая, наконец тихо рассмеялась:

— Ты не слышал?

— Что? — Нин Гуанъи, промучившись всю ночь и день, был раздражён и с насмешкой развёл руками:

— Слышал, что ты пошла в Уединённый двор Сбора Цветов? Я говорил тебе тысячу раз, не следуй за мной! Даже если ты выйдешь за меня, я мужчина, как я могу хранить верность тебе?

На дереве было слишком холодно. Пока Нин Гуанъи бушевал, как бешеная собака, Ло Ин легко взмыл в воздух и бесшумно приземлился на крыше павильона, так быстро, что даже тени не осталось, и устроился рядом с Цюй Лянем.

Цюй Лянь не шевелился.

Возможно, Нин Гуанъи был слишком раздражающим, и Ло Ин, осознав это, осторожно положил руку на спину Цюй Ляня.

Цюй Лянь:

— ?

Ло Ин тихо передал ему:

— Холодно?

Цюй Лянь:

— Нет.

Но его блестящие глаза заметили, что лицо Ло Ина слегка покраснело, и он подумал, что это от ветра. Поэтому он бесшумно придвинулся ближе. В отличие от Ло Ина, он не был трусом и смело обнял его.

Аромат Цюй Ляня обрушился на Ло Ина, как тёплая волна, поглотив его. Он широко раскрыл

глаза, и на мгновение услышал только громкое биение своего сердца.

Ночной ветер не согрел Цюй Ляня, настоящий жар исходил от самого Ло Ина.

Впервые в жизни он почувствовал себя растерянным, словно его тело больше не принадлежало ему. В его руках было что-то драгоценное и хрупкое, что нельзя было тронуть, но в то же время это было как мягкое облако, плотно прижатое к его сердцу.

Настоящий дурачок... но дурачок довольно милый.

Ло Ин растаял от нежности.

Руки крепко обхватили его талию, и Ло Ин едва сдерживался, дрожа всем телом. Его рука на спине Цюй Ляня не двигалась, боясь, что одно неверное движение раздавит того, кто был в его объятиях.

Он почувствовал, что Цюй Лянь мягкий, как только что вылупившийся птенец, с золотистыми перьями и тёплым видом, прыгающий у него на груди. Очнувшись, он понял, что Цюй Лянь не прыгает, а беспокойно бьётся его собственное сердце, и ему стало неловко.

Он почувствовал лёгкий аромат, исходящий от Цюй Ляня, и на мгновение утонул в нём, но потом понял, что это запах одежды из Обитатели Застывших Вод, а Цюй Лянь не мылся уже сутки...

Он отвёл голову в сторону, чувствуя лёгкое отвращение, но его осенила внезапная мысль: «Если Цюй Лянь носит мою одежду, значит, она пропитана моим запахом?»

Цюй Лянь ничего не знал о грязных мыслях Ло Ина, его ухо было прижато к черепице, слушая разговор внизу.

В этот момент до него донесся лёгкий шум. Цюй Лянь оглянулся на лес, прищурился и издали различил фигуру человека. Ло Ин тоже заметил и долго всматривался, убедившись, что это не Лу Ли или Цзян Лань.

Неизвестно, друг это или враг. Он сделал Цюй Ляню знак: «Наблюдаем».

Чжу Вэньнин сдерживала эмоции, и оба наблюдателя на крыше боялись, что она вот-вот взорвётся. Однако вспышка Нин Гуанъи странным образом погасила её гнев. Она рассмеялась, словно услышала огромную шутку:

— Что, Пэй и Ло не сказали тебе, что произошло прошлой ночью? Разве Терем Созерцания Луны пришёл ради твоего брата?

Её презрительный тон заставил Нин Гуанъи нахмуриться, и он наконец задумался о причинах:

— Терем Созерцания Луны... Разве это не твой глупый стражник привёл их?

В зале для поминовения он на мгновение подозревал, что Чжу Мэн подсыпал яд в вино, чтобы отравить его, Нин Гуанъи, но случайно отравил Нин Гуанчжуна. Однако последующие события показали, что это не было ошибкой, и Чжу Мэн не имел причин враждовать с Нин Гуанчжуном. Нин Гуанъи отбросил эти мысли. Неважно, почему Чжу Мэн внезапно напал или почему сразу же покончил с собой, это не имело к нему отношения. В обычное время он, возможно, обсудил бы это, так как всегда презирал этого человека, но сейчас в Усадьбе

Нефритового Отражения царил хаос, и у него не было времени на такие мелочи.

Грудь Чжу Вэньнин несколько раз вздымалась, и вдруг она тихо произнесла.

Она сказала это очень тихо, с улыбкой, но сразу же заплакала, смущённо всхлипывая.

Все присутствующие были практикующими, и, несмотря на тихий голос, слова чётко донеслись до каждого. Цюй Лянь и Ло Ин невольно почувствовали печаль, но Нин Гуанъи взорвался, как петарда.

— Что?! Что ты сказала?! Ты...!

Он бросился вперёд, схватил Чжу Вэньнин за плечи и с такой силой толкнул её назад, что она чуть не упала, но его железные руки резко дёрнули её обратно:

— Ты...!

Чжу Вэньнин больше не могла сдерживаться и зарыдала в его объятиях:

— Я... что мне делать...

— Ты...! — Нин Гуанъи очнулся, словно от чего-то грязного, и резко оттолкнул её, разразившись руганью:

— Тебе не следовало идти в Уединённый двор Сбора Цветов! Ты женщина, идти в такое место — это самоубийство! Сколько раз я тебе говорил, ты... ты ещё спрашиваешь, что тебе делать, почему ты не думаешь — что мне делать?!

[Тридцать один]

<http://bllate.org/book/16248/1461418>